

В.В. Минаев

**ГОРОДА «КРАСНЫЕ» И «БЕЛЫЕ»:
НАСЕЛЕНИЕ, ХОЗЯЙСТВО,
ПРЕСТУПНОСТЬ**

Победная для большевиков Гражданская война принесла России огромные людские потери, причинила колоссальный ущерб экономике, ввергла народ в невиданное обнищание. За годы войны страна потеряла около 13 млн человек – убитыми во время боевых действий, расстрелянными в ходе красного и белого террора, умершими от голода и эпидемий, бежавшими за границу.

В начале 1920-х гг. будущий советский академик С.Г. Струмилин, опираясь на материалы переписи населения 1920 г., подсчитал: с учетом несостоявшихся рождений общие демографические потери превысили 21 млн душ.

По оценке демографа Е.З. Волкова (его книга «Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет» была опубликована в 1930 г.), численность населения в период 1918–1922 гг. (в тогдашних границах СССР) менялась следующим образом:

Год	Численность, тыс. человек	Абсолютный прирост, тыс. человек
1 янв. 1918 г.	140 903,4	—
1 янв. 1919 г.	139 700,6	– 1 202,8

1 янв. 1920 г.	137 092,5	– 2 608,1
1 янв. 1921 г.	134 275,8	– 2 816,7
1 янв. 1922 г.	133 890,1	– 385,7
1 янв. 1923 г.	133 467,2	– 422,9

Таким образом, за пять лет, с 1918 по 1922 гг., убыль населения составила 7 436,2 тыс. человек.

Подсчеты других демографов дали более высокие цифры. Так, С. Максудов (псевдоним эмигрировавшего в США советского демографа А. Бабенышева) определил людские потери России в 10,3 млн (без эмигрантов), А.Я. Боярский – в 12 млн, Б.Ц. Урланис – в 10–11 млн.

В 1980 г. в Институте истории СССР АН СССР была разработана компьютерная методика использования данных Всесоюзной переписи 1926 г. для установления численности населения страны в предшествующие годы. Исходя из возрастной структуры населения и основываясь на содержащихся в источниках данных о естественном и механическом движении населения, ее авторы восстановили динамику численности народонаселения страны за 1917–1926 гг. (этот прием получил название «методика ретроспективного использования материалов переписей населения с учетом комплекса дополнительных данных, имеющих в распоряжении историка»). Согласно расчетам, осенью 1917 г. население России (на территории в границах 1926 г.) насчитывало 147 644 тыс. человек, а к началу 1920 г. оно сократилось на 7 083,3 тыс., к 1921 г. – на 10 887 тыс., к 1922 г. – на 12 741,3 тыс.¹

В 1920 г. численность городского населения сократилась по сравнению с довоенной 1913 г. почти на 8

млн (на 30 %): если в 1913 г. оно составляло 28,4 млн, то к 1920 г. уменьшилось до 20,1 млн. Особенно остро потери городского населения ощущались в Европейской России, так как именно здесь были сосредоточены крупные промышленные центры, сильно пострадавшие от национализации и от военного коммунизма в целом. Только с 1917 по 1920 гг. городское население Европейской России сократилось на 3,5 млн (на 25 %).

* * *

Опустошение в первую очередь коснулось столичных городов.

В 1918 г. жители Петрограда бросали квартиры и имущество на произвол судьбы, покидая голодающий город в поисках хлеба. Бывший адвокат Н. Майер писал о состоянии города в том году: «Громадное большинство желало уехать. К тому было много причин – весь Петроград в то время стремился уехать в провинцию или деревню, ибо первые судороги голода, цепко взявшего Петроград в свои холодные, скользкие лапы, уже сжимали страшными кольцами городское население. Бегство из Петрограда принимало панический характер».

К июню 1918 г., как показала проведенная тогда перепись, численность населения Петрограда по сравнению с 1910 г. уменьшилась на 427 451 человека (на 22 %), а по сравнению с 1915 г. – на 840 507 (на 36 %). «Если притом иметь в виду, что падение произошло крайне быстро, на протяжении всего нескольких месяцев, – отмечал доктор С.А. Новосельский, проводивший перепись, – то изменения эти, очевидно, нужно отнести к области патологических общественных явлений, а не к области физиологии населения, его нормальной эволюции. Этот острый патологический процесс обезлюдения Петрограда не

приостановился с момента переписи. По имеющимся, правда, не особенно точным сведениям, число петроградского населения с начала июня до половины августа понизилось еще на 250–300 тысяч... Петроград тяжело болен, как тяжело больна и Россия. Вопрос, выздоровеет ли Петроград, «быть Петрограду пусту», быть ли вообще Петрограду, – это лишь часть общего вопроса, выздоровеет ли Россия, будет ли Россия»².

По данным Бюро санитарной статистики Московского статистического отдела, приведенным в исследовании П.И. Куркина и А.П. Черткова «Естественное движение населения Москвы и Московской губернии» (М., 1927). о воспроизводстве населения в первые послереволюционные годы, смертность в Москве, составлявшая в 1914 г. 23,2 на 1 000 горожан, выросла в 1918 г. до 29,8, сделала чудовищный скачок в 1919 г. – до 45,4, чуть снизилась, оставаясь весьма высокой, в 1920 г. – до 36,2. Резкое снижение смертности в Москве наступило только в 1923 г., когда она составила 14 на 1 000 москвичей.

Динамика смертности по Петрограду была аналогичной.

Обезлюдение российских городов вызывалось целым комплексом взаимосвязанных причин.

Во-первых, росла смертность горожан от голода и от эпидемий (брюшной, сыпной и возвратный тифы, дизентерия, малярия, грипп «испанка» и другие). При этом смертность непосредственно от голода была меньше, чем от инфекционных болезней, широко распространявшихся в том числе и на почве хронического недоедания, которое было одним из основных факторов ослабления организма, снижение его сопротивляемости желудочно-кишечным, сердечно-сосудистым и легочным заболеваниям.

Обычная, мирная, норма хлебного питания в России составляла 19 пуд. в год на человека. Фактически же, по данным Госплана РСФСР, в потребляющих районах (губернии Нечерноземного центра) в конце Гражданской войны, в 1920–1921 гг., приходилось 12,6 пуд. для сельского и 9,8 пуд. для городского населения, а в производящих (губернии Поволжья и Центральной черноземной области) – соответственно 12,3 и 10,2 пуд. На юго-востоке и в Сибири сельское население питалось лучше: 16,4 и 15,9 пуд. Соответственно. Горожане же на юго-востоке получали хлеба 9,9 пуд., а в Сибири – 12,1 пуд.

Статистика выявила зависимость смертности от возраста. Самой высокой была смертность среди детей младше 4-х лет и среди пожилых людей старше 65-ти лет. Только за три года войны безвозвратные потери населения страны от острых инфекционных болезней превысили 2 млн. В результате баланс между рождаемостью и смертностью имел отрицательный характер, происходили значительные изменения в возрастно-половой структуре городского населения. Особенно велики были потери среди мужчин. Так, в Петрограде смертность среди мужчин в 1920 г. составила 49,4 %, а среди женщин – 38,6 % (в целом по стране в 1,5 раза выше, чем у женщин).

Во-вторых, из-за закрытия и остановки промышленных предприятий в результате политики военного коммунизма сотни тысяч городских рабочих уезжали в деревню, надеясь прокормиться в сельской местности прежде всего ремонтом сельхозинвентаря. Причем отток рабочих из городов был особенно ощутим в промышленных районах, производящих губерниях.

В-третьих, зажиточные горожане (верхний и средний слои чиновничества, крупная и средняя буржуазия, офицерство, часть интеллигенции), спасаясь

от красного террора, мобилизаций, всеобщей трудовой повинности, голода, холода и инфекционных болезней уезжали на запад и юг, а оттуда – за границу. Общая численность эмигрантов, по подсчетам историков и демографов, составила 1,5–2 млн.

Правда, по «пути в эмиграцию», на белых территориях, им приходилось пережить в городах, особенно в портовых, лишения, неминуемо сопряженные с беженством: растерять и распродать на рынках значительную часть имущества, обнищать, помучиться в тяжелых условиях острейшего жилищного кризиса, пожить впроголодь³.

В-четвертых, происходило рассасывание из городов пришлого населения периода мировой войны, прежде всего беженцев из западных районов. По некоторым данным, эта категория городского населения насчитывала почти 2,5 млн человек.

В-пятых, часть жителей центрально-европейских городов перебралась в города Украины, Сибири и Северного Кавказа. Продовольственное положение там было значительно лучше, поскольку это были преимущественно сельскохозяйственные районы.

В итоге к осени 1920 г. лишь в пяти городах (Киев, Одесса, Харьков, Ташкент, Баку) население превышало 200 тыс. 13 городов (Саратов, Ростов-на-Дону, Казань, Самара, Омск, Екатеринодар, Нижний Новгород, Астрахань, Екатеринослав, Тула, Оренбург, Минск, Николаев) насчитывали более 100 тыс. жителей. И около 40 – от 50 до 100 тыс. горожан.

По неполным данным переписи 1920 г., на территории РСФСР были зафиксированы 84 282 906 жителей, в том числе 72 231 692 в селах и 12 051 264 в городах. К 1920 г. Москва и Петроград потеряли около 60 % своих жителей. В Москве оставалось немногим

более 1 млн человек против 1,7 млн жителей в 1914 г., в Петрограде – 706 тыс. человек против 2 млн в 1914 г.

С другой стороны, по оценке историка А.С. Сенявского, резко изменился социальный состав городского населения: «Один и тот же населенный пункт до 1917 г. и в начале 1920-х годов, например, Москва, – принципиально разные общественные явления, разные города, даже если почти полностью сохранилась архитектура, виды и объемы производимой продукции и т.д. С октября 1917 г. в течение нескольких лет из города исчезли целые классы, сословия, социальные слои. Не было дворянства, практически уничтожено старое купечество. Вытеснялось, растворялось и также уничтожалось мещанство. Мало что осталось и от квалифицированного, особенно потомственного, рабочего класса. По сути, мировая война, революция и Гражданская война смели те социальные категории, которые, собственно, и составляли основу города. Города наполнили крестьяне и полукрестьяне»⁴.

* * *

Экономический кризис и обезлюдение городов вызвали распад городского хозяйства. В столицах он шел быстрее, в провинциальных городах – медленнее.

Прежде всего бросалось в глаза то, что города быстро теряли свой обычный, «городской», вид. Гасло освещение, пропадали телефонная связь и вода в водопроводе, останавливались трамваи, исчезали автомобили и даже извозчики. Особенно быстро свои цивилизованность, ухоженность и лоск теряли столицы. Петербуржец Г.А. Князев записал в своем дневнике в июле 1918 г. мрачные мысли, навеянные быстрым запустением родного города: «На улицах почти совсем нет извозчиков, очень мало ломовиков, еще меньше

автомобилей. Некоторые улицы и площади зарастают травой. Столица Российской империи принимает захолустный, провинциальный вид: “Быть Петербургу пусту”»).

Жители уральских городов с лета 1917 г. стали испытывать все больше неудобств. Расшатались никем не ремонтируемые деревянные тротуары. Перестали убираться улицы. Летом горожане страдали от зноя и пыли на дорогах, которые больше не поливались, и от зловония, распространяемого базарами и общественными уборными, находящимися в антисанитарном состоянии. Дворы национализированных домов были покрыты гниющим мусором, навозом и кухонными отбросами. Зимой горожане лавировали среди сугробов и выделывали замысловатые па на обледенелых дорогах, летом – ходили по проезжей части улиц, чтобы не покалечить ноги на сломанных половицах дощатых тротуаров и избежать попадания в голову мусора, летящего прямо из окон. В передвижениях по пришедшим в упадок городским улицам население всегда было начеку и демонстрировало чудеса ловкости.

Поздней весной 1921 г. в районе Верх-Исетского металлургического завода, когда грузовик продавил мост через реку Исеть, остававшийся свыше трех недель без ремонта, екатеринбургская печать сообщала: «Обыватели прыгают, как козлы, через провалы, и на чем свет стоят ругают Советскую власть»⁵.

Не меньшие неудобства доставляла горожанам неразвитость водопроводной сети. В Уфе водопровод обслуживал едва ли половину жителей, остальные уфимцы брали воду из реки и уличных кранов, причем при пользовании ими следовало платить 50 копеек за ведро. Забор речной воды затруднялся расположением города на крутом склоне реки Белой и тяжестью подъема. Следствием этих обстоятельств была экономия

в расходовании воды в ущерб гигиене. Весной и летом многочисленные общественные сады города объедались козами – «любимейшими животными уфимцев», по наблюдению местных журналистов. В разгар июльской жары на городском базаре царила антисанитария.

В июле 1921 г. власти города объявили неделю чистки и водоснабжения, предполагавшую прежде всего копку общественных колодцев, поскольку городской «водопровод пришел в страшно запущенное состояние». В августе пришлось повторить неделю чистки, так как санитарное состояние дворов и улиц не улучшилось. Губернский коммунальный отдел, во исполнение декрета правительства РСФСР от 1 сентября 1921 г. об установлении платы за коммунальные услуги, ввел с сентября оплату за воду, вследствие чего домовые краны стали недоступны для посторонних. Источником воды для обитателей домов без водопровода стали исключительно водоразборные колонки, но их было мало. Хотя водопровод и был приведен в порядок, но дефицит воды в Уфе продолжал напоминать о себе самым чувствительным образом, прежде всего в банях⁶.

Ассенизационное дело также оказалось в плачевном состоянии. Уфа, которая не знала хорошо налаженной ассенизации и до революции 1917 г., а потому страдала от вспышек инфекционных заболеваний, оказалась в тяжелом санитарном состоянии. В 1916 г. из губернского центра было вывезено 34,7 тыс. бочек нечистот, в 1917 г. – 34,1 тыс.; в 1918 г. – до 22,8 тыс., то есть произошло снижение в полтора раза, в 1919 г. – 22,1 тыс. бочек. Отдел здравоохранения Уфимского губисполкома в 1920 г. следующим образом охарактеризовал организацию ассенизации в губернском городе: «С наступлением революционного 1917 года и периодическим занятием города разными властями, эвакуации его с вывозением имущества, особенно

лошадей, отчасти и бочек, прекращением дел частными ассенизаторами, постепенным приходом частного инвентаря в полную негодность, – дело ассенизации города совершенно разрушилось и с начала 1918 г. город совершенно не очищался. Вся ассенизационная деятельность сводится в настоящее время к тому, чтобы не дать нечистотам в общественных учреждениях перелиться через край выгребных ям и разлиться по городу, что удается далеко не всегда, частные обыватели совершенно не очищаются. Жильцы муниципальных домов очищаются в виде исключения».

В такой ситуации эпидемии тифа и холеры стали обычным делом в российских городах: ежегодно заболевали десятки тысяч, тысячи умирали.

* * *

Все острее становился жилищный кризис.

Переселение петроградских рабочих из фабричных бараков в «буржуйские» многокомнатные квартиры в центральных районах бывшей столицы империи решало одни проблемы, но порождало другие. В 1918 г. это выглядело следующим образом: «Рабочие не проявляют особой охоты к переселению уже потому, что им и без того не тесно, а слишком просторные квартиры при современной дороговизне дров представляют уже не удобство, а прямое бедствие. Дрова и так обходятся теперь рабочим уже в 5 раз дороже квартиры – даже без доставки, а в барских квартирах пришлось бы или замерзнуть или израсходовать на дрова в 10–20 раз больше, чем за квартиру. К этому надо добавить, что барские квартиры – в центре города, а заводы – на окраинах, и рабочему пришлось бы после переселения в центр тратить лишнее время и деньги на проезд к месту работы. Наконец, во что обойдется рабочему самое

переселение, когда извозчик за один конец спрашивает 300 руб.? Ведь за эту сумму можно оплатить жилище даже семейному рабочему за целый год. Вот почему даже бесплатная барская квартира для рабочего не подарок, а слишком дорогое удовольствие, которое ему теперь положительно не по карману»⁷.

В относительно лучших жилищных условиях оказались домохозяева в некрупных городах, а также ответственные советские работники. Так, к ноябрю 1920 г. в Кургане сложилась следующая ситуация с жильем: «Население, проживающее в национализированных домах, уплотнено, но граждане, живущие в своих домах, как жили ранее, так и живут и теперь, занимая с семьей в 3–4 человека по 5 и 6 комнат, а также и ответственные работники расположились прекрасно»⁸. Иначе выглядели жилищные условия тех, кто снимал жилье, не имея протекции, да еще в местах, пострадавших от военных действий. В крайне тяжелом положении оказались рабочие, не имевшие собственного жилья и оказавшиеся на Урале в порядке трудовой повинности для восстановления промышленных предприятий.

Управление благоустройства и коммунальных предприятий Челябинского горисполкома в сентябре 1919 г., после ухода колчаковских войск, предприняло обследование коммунальных строений и частных домов, реагируя на поток жалоб и заявлений горожан. Оказалось, не только частные домовладения, но и основные коммуникации губернского центра пребывали в состоянии распада. Так, мост через реку Миасс по улице Уфимской – одной из главных улиц города – грозил обрушением: «Мост на деревянных ряжевых устоях, ряжи пришли в ветхость, неоднократно чинены, особенно в местах соприкосновения с водой, концы прогонов совершенно сгнили, верхний настил весь проездился, местами доски до того изъездились, что

колесами захватывает нижний настил. Во время больших водоразливов вода в отверстие моста не помещается, разливается и проходит по Хлебной площади в старое русло р. Миасс, что является громадным неудобством для сношения жителей заречной части с городом»⁹.

Картины запустения являли глазу и другие губернские центры Урала. Весной 1921 г. оренбургская печать, сетуя на грязь в городе, ехидно замечала: «У нас существуют, наверное, сотни разного рода комиссий, подкомиссий, уполномоченных и даже «чересчур уполномоченных». Но вот кучи мусора на улицах Оренбурга не исчезают, а растут все более и более». За время Гражданской войны 20 % жилья в Оренбурге было уничтожено, еще столько же пришло в негодность, в том числе и по причине отсутствия водосточных труб, разобранных жильцами на дымоходы печей-«буржук», отчего углы и стены домов из-за подтекания воды промерзли и покрылись грибок¹⁰.

В уральских городах, небогатых многоквартирными доходными домами для состоятельных жильцов, жилые помещения быстро приходили в негодность из-за несовершенства систем канализации, водопровода и отопления. Так, акт осмотра полуподвального помещения дома в Вятке в феврале 1919 г. гласил: «Пол сеней и коридора... покрыт толстым слоем замерзшей жидкости, по-видимому, сточного характера; ватерклозетом пользоваться совершенно нельзя – дверь его крепко вмерзла в замерзшую сточную жидкость пола сеней и не открывается; дверь, ведущая из сеней в специально устроенное, рядом с ватерклозетом, помещение с водопроводным краном и раковиной, также вмерзла в пол и полуоткрыта, пользоваться водопроводом нельзя, так как пол здесь также покрыт толстым слоем льда, раковина переполнена

замерзшей водой, спускающейся целой горой льда до самого пола»¹¹.

Запущенное печное отопление частных домовладений также было чревато многими неприятностями и прежде всего пожарами. Ранним летом 1921 г. из-за начавшейся жары и ветхого состояния печных дымоходов выгорела четверть заводского поселка Кыштым в Екатеринбургской губернии. В огне погибло более 700 домов, много скота и домашней птицы. Без крыши над головой остались 1 031 семья, включая 2 323 взрослых и 1 834 ребенка. Очевидец оставил описание поселка, пережившего пожар: «Въезжаешь в город с грустным гнетущим чувством. Перед глазами безотрадная, унылая картина. Целые ряды улиц выгорели буквально дотла. От домов остались одни печи, от строений – только фундаменты. Деревья и те сгорели. Цветущий город превратился в пустыню»¹². В Вятке более 40 % пожаров за 1919–1920 гг. возникли из-за несвоевременной чистки дымоходов труб и неисправности печей.

При такой разрухе городского хозяйства горожанам приходилось проявлять исключительную изобретательность.

Одним из символов тогдашней России стала печь-«буржуйка», подробное описание которой сохранилось в воспоминаниях современников: «Все мы разогревали свою скудную пищу на «буржуйках». Это кусок кровельного железа, свернутого в короткую трубку в 1/2 аршина высотой. Сверху отверстие, прикрываемое тоже железным тонким кружком. Сбоку небольшое отверстие, куда вставляется тонкая железная труба... С другого боку пониже крошечная дверца; через нее можно протолкать маленькие кусочки лучинки или простую бумагу и – зажечь. Это и есть «буржуйка». Зовут ее так, потому, что, не имея ни дров, ни денег для их закупки,

мы все, обыватели – «буржуи», только на ней и варили свою пищу». В связи с недостатком электричества и керосина для освещения придумывались суррогаты жидкого топлива. На закате колчаковской власти екатеринбургская печать советовала населению использовать для освещения смесь из чистого спирта и скипидара в пропорции 4 : 1 или из восьми частей спирта и одной части пихтового масла¹³.

Таким образом, быт жителей городов разительно изменился и потребовал от них выработки соответствующих навыков. Нужно было научиться самим добывать топливо, не обращать внимания на холод и посторонние неприятные запахи, спать в одежде, привыкнуть к отсутствию освещения и еще много других благ цивилизации.

* * *

Хозяйственный кризис и война увеличили масштабы и ухудшили последствия традиционной российской беды – самогонварения и пьянства.

На протяжении веков в российской ментальности употребление спиртного считалось нормой, при этом неизменно присутствовало отрицательное отношение к пьянице, настороженность к трезвеннику и позитивная оценка умеренно пьющего. В народной традиции употребление спиртных напитков было прочно связано прежде всего с праздниками, торжествами и досугом вообще, а в военные годы оно стало сопутствовать и действиям войск на фронте, и многим сторонам повседневной жизни в тылу. Этим грешили рабочие и крестьяне, городские низы и представители интеллигенции, военнослужащие «красных» и «белых» армий, партийные функционеры и ответственные

работники, стражи порядка и представители разнообразных властных органов.

Яркие картины повального пьянства, распространившегося в деморализованной революцией русской армии, дал на основе личных впечатлений Артем Веселый в своем знаменитом романе «Россия, кровью умытая»:

«За станцией перед винными складами, день и ночь ревмя редела, буйствовала пьяная многотысячная толпа. Солдаты, казаки вольные недуром ломились в ворота, лезли через кирпичные стены. Во дворе упившиеся не падали – падать было некуда – стояли, подпирая друг друга, качались, как гурт скота. Некоторые умудрялись и все-таки падали; их затаптывали насмерть.

В самом помещении пьяные гудели и кишели, будто раки в корзине. Колебался свет стеариновых свечей, на стенах под сетками поблескивали термометры и фильтры. В бродильных чанах спирт-сырец отливал синеватым огнем. Черпали котелками, пригоршнями, картузами, сапогами, а иные, припав, пили прямо как лошади на водопое. В спирту плавали упущенные шапки, варежки, окурки. На дне самого большого чана был отчетливо виден затонувший драгун лейб-гвардии Преображенского полка в шинели, в сапогах со шпорами и с вещевым мешком, перекинутым через голову».

Волна «пьяных» погромов прокатилась по стране осенью 1917 г.¹⁴

Так, первый масштабный погром в губернском городе на Урале произошел в Перми 3–5 ноября 1917 г.

В ночь с 3 на 4 ноября, после представления в цирке, в солдатской среде возникло предложение громить магазины. Поначалу разнесли лавку городского общества потребителей, далее – склад вин, где толпа перепилась и двинулась по городу, круша все

попадавшиеся на пути торговые заведения, включая книжные и музыкальные магазины. К одурманенным алкоголем солдатам примкнули бабы-солдатки, подростки, не только пьяные, но и трезвые обыватели Перми в стремлении поживиться чужим добром. Вот как описывали местные журналисты со слов очевидцев раннее утро 4 ноября в Перми: «Идет пьяный солдат и баба после грабежа ювелирного магазина. У солдата руки в крови, зато на всех пальцах много золотых колец. Баба, идущая с ним под руку, тоже разукрашена драгоценностями: на руках и кольца, и браслеты, и другие золотые вещи. Бежит пьяный солдат: в руках у него пять будильников-часов. Шатаясь и скверно ругаясь, плетется солдат. Под мышкой левой руки у него две иконы новенькие, а в правой руке – железная палка. Этой палкой он, как бы по пути, разбивал стекла подряд всех домов в первом этаже, где он может достать палкой окна».

Пьяные бесчинства продолжались весь день. Была попытка разграбить железнодорожные склады, но ее сорвали вооруженные рабочие. В ночь на 5 ноября солдаты штурмом захватили пивоваренный завод, расположенный в центре города. Весь следующий день пиво ведрами и чайниками доставлялось в солдатские казармы. Последовали погромы частных квартир. В этот день власти уездного Екатеринбурга во избежание разгрома винного склада слили 9 тыс. ведер спирта в городской пруд. Эффект оказался прямо противоположным ожиданиям «отцов» города: спирт плавал на поверхности и поверх льда, маня многочисленных «страждущих», преимущественно солдат местного гарнизона. Пьяное буйство сопровождалось беспорядочной стрельбой. Очевидец так живописал сцену пьяного разгула в центре города: «Солдаты, ругаясь, толкая друг друга, бросались на лед,

к краю проруби и с радостью лакали из нее разбавленный водой спирт, не обращая внимания ни на грязь, что текла в ту же прорубь, ни на навоз, окружающий ее. Лед не выдержал – провалился, и все лакающие погрузились в холодную воду. Но – счастье их – вода была мелка. Отдуваясь, хохоча, солдаты вылезали на лед и снова начинали пить. Пили до одурения, до «положения риз». Многих тут же у проруби рвало, и рвотная пакость плавала в проруби, но «алчущие», не смущаясь этим, отмахивали ее рукой и пили»¹⁵.

Пьяная вакханалия не ограничивалась городами, а широко разливалась и по сельской местности. Известия об аресте Временного правительства разрядили огромный потенциал агрессии, накопившийся у населения в течение 1917 г. Снижение градуса социальной напряженности стоило значительного материального ущерба: многие торговые заведения вынуждены были закрыться. Не обошлись пьяные погромы и без человеческих жертв.

Мировая война, революционные потрясения и Гражданская война создали клубок причудливо переплетенных факторов, благоприятствующих распространению пьянства. Введение сухого закона в сочетании с обязательными поставками хлеба из деревни по твердым ценам превратили самогонование в экономически выгодное дело, приносящее двойную и даже тройную прибыль. Страна втягивалась в самогонную вакханалию. Советская власть не собиралась заниматься продажей спиртного на государственном уровне¹⁶.

Разруха Гражданской войны повысила ценность алкоголя не только как средства избавления от каждодневных страхов, ухода от действительности, собственной социальной неустроенности: значительно возросло его физиологическое значение. Переход

на малокалорийную, законсервированную с помощью соли пищу усилил роль спиртных напитков как источника дополнительных калорий и утолителя жажды. Современник тех событий писатель Михаил Осоргин заметил: «...Под селедку и воблу страстно хотелось водки».

Кроме того, ухудшение санитарного состояния городов, участвовавшие вспышки эпидемий, дефицит медикаментов – все это превратило алкоголь в основное антисептическое и лекарственное средство.

Наконец, инфляция денежных знаков, дефицит самых необходимых товаров и услуг превратили горячительные напитки в своеобразное «жидкое» средство платежа. В условиях действия сухого закона место профессионально изготовленных алкогольных напитков заняли суррогаты – денатурат, политура, одеколон, лак, самогон.

В 1917 г. началось быстрое распространение самогонварения. Так, газета «Вятская речь» от 21 января 1917 г. поместила корреспонденцию из Уржумского уезда: «...Всякий знает, что хлеб всему голова, что хлеб ныне есть, а следовательно, почему бы из хлеба не сварить кумышки [Кумышка – водка домашнего производства. – В.М.]. Понаделали трубок медных, жестяных, и даже прибрали дула от старых ружей, все это приспособили так, что стали получать перегонное вино домашнего производства. Вино это имеет крепость выше сорока градусов, и спрос на него большой, так что курильщики не успевают его курить. Из одного пуда ржаной муки получается одно ведро вина, которое продается за двенадцать рублей»¹⁷.

Кустарное производство спиртных напитков – всех этих «кумышек», «самосидок», «самокруток» – вызывало излишние траты зерна, картофеля, сахара. Это существенно обострило продовольственную проблему

в годы Гражданской войны, когда в «самогонных целях» использовались уже миллионы пудов зерна.

С другой стороны, самогон производил куда более сильное разрушительное воздействие на личность пьющего по сравнению с водкой фабричного производства в силу своих «качественных» характеристик. Во-первых, в отличие от водки крепость самогона, получаемого путем перегонки при помощи пара, – 40–50°, а при повторной перегонке – 60–80°. Во-вторых, примерно одна четвертая часть всего самогона делалась с применением примесей. Они использовались для большей «забористости» и, усиливая действие алкоголя, очень часто приводили к отравлению. Наиболее популярными добавками были: хмель, горчица, хрен, керосин, табак, перец, куриный помет, известь, купорос, мыльный камень, полынь, белена. В-третьих, лабораторные исследования 1920-х гг. показали, что самогон давал ощущение повышенной крепости от содержащихся в нем резких и сильнодействующих сивушных масел, альдегидов, эфиров, кислот, которые не удавалось отделить от спирта в условиях кустарного производства. Этих примесей в самогонке было в несколько раз больше, чем даже в сыром заводском спирте, так называемой «сивухе». В итоге по разрушительному воздействию на человеческий организм самогон в несколько раз превосходил водку¹⁸.

Большевистское правительство пыталось бороться с самогонованием, отнеся самогонщиков к разряду «врагов народа». Декрет ВЦИК от 9 мая 1918 г. предписывал предавать их суду. В декабре 1919 г. появился декрет СНК «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ». Исключение коснулось виноградных вин и других напитков крепостью до 12°.

В определенной мере декрет подтверждал «сухой закон» 1914 г. И все же повсеместно наблюдались вспышки пьянства на всех социальных уровнях, на которые центральное и местное партийное руководство реагировало вяло¹⁹. Вслед за злоупотреблением спиртным распространялись хулиганство, драки, кражи, азартные игры и другие преступные проявления.

Пьянство стало бичом и Красной, и белых армий. Часто взятие города красными или белыми превращалось в кошмар для его жителей: победители громили винные склады и магазины, начиналось повальное пьянство и разгул, сопровождаемые грабежами и даже убийствами. К победителям тут же примешивались уголовники и даже обыватели, которые рассчитывали поживиться за краткое время безвластия.

Так, «отличилась» 1-я конная армия после взятия Ростова-на-Дону в январе 1920 г. «12 января... Всюду вспыхивали пожары, начались грабежи и разгромы магазинов... – живописал в своем дневнике секретарь Реввоенсовета армии С. Орловский. – Густые толпы с посудой окружали магазины. На улицах можно было видеть пьяных бойцов, ходивших с подбитыми глазами и оравших песни сиплыми от перепоя голосами...

13 января. Грабежи в городе усиливаются. Комендатура города пока тщетно борется с бандитизмом. Наши бойцы тоже орудуют всюю...

14 января. Грабежи по городу и пьянство продолжают. При получении сведений о начавшемся погроме опечатанных магазинов К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный решили лично выехать на место происшествия. Сели на лошадей, и маленький отряд в количестве 7 человек направился по указанному адресу. Винный магазин открыт, витрины выбиты, но на улице никого нет. В соседнем мануфактурном магазине

наворочены груды полотна и кружев. Из подвала винного магазина, где, очевидно, сосредоточены запасы, идет гул.

К.Е. Ворошилов устанавливает оцепление, и, спешиваясь, мы подходим к дверям, ведущим в погреб. Пахнет винным спиртом, слышится звон посуды, песни и ругань. С.М. Буденный зычно кричит: «Все, кто там, выходи! Сейчас же выходи из погреба!» Ответа нет. Следует повторный окрик: «Выходи немедленно, откроем стрельбу». Упившиеся не слышат и этого окрика. Даем залп поверх погреба, и после этого выбегают сначала поодиночке, а затем толпой женщины...

Разгон окончился. Спускаемся в подвал и видим людей, барахтающихся в озере вина, выпущенного из бочек и затопившего подвал. Там и сям плавают мертвые тела тех, кто уже не был в состоянии выбраться...».

Пьянство периода Гражданской войны изменило традиционного потребителя спиртного в стране. Специалисты, изучавшие алкоголизм в 1920-е гг., сошлись во мнении, что «современный алкоголизм отличается от довоенного. Война и революция с их потрясающими переживаниями, большее количество инвалидов и «травматиков», в частности с ослабленной нервной системой, эпидемии, в особенности недоедание голодных годов и т.д., сделали многих менее устойчивыми против алкоголя, и реакции на алкоголь стали более бурными»²⁰.

Вдобавок с окончанием Гражданской войны в среде фабрично-заводских рабочих стали возрождаться обычаи бытового пьянства: традиция «первой полочки», с которой следует угостить товарищей по работе, «обмывания нового сверла» и т.д. и т.п. Уже в 1922 г. во многих городах обыденным явлением стали кордоны женщин и детей у проходных промышленных предприятий в дни зарплаты: отобрать у мужа только что

выданную ему «получку» прежде, чем он пропьет ее с товарищами.

* * *

Разруха городского хозяйства, изменения в социальном составе горожан, пьянство и процессы нравственной деградации населения вызвали в годы Гражданской войны всплеск преступности.

Главным социальным фактором роста городской преступности было размывание сельского уклада и маргинализация сельского населения. Этот процесс в начале XX в. выражался на селе зарождением категорий населения с прогородской ментальностью (в результате широкого отходничества и различных промыслов), а в городе – появлением новых горожан крестьянского происхождения. Их социальная неадаптированность зачастую выливалась в девиантное (преступное) поведение, за которым стоял маргинальный менталитет. Количество маргиналов, в том числе представителей люмпенизированных слоев, и в городе, и в деревне было достаточно велико: не менее двух третей городского и половина сельского населения.

Наиболее активная и дееспособная часть мужчин в большинстве своем прошла через фронты мировой и Гражданской войн. Но крестьянин, на долгие месяцы оторванный от сельской, традиционной и естественной для него, среды обитания, по своему менталитету переставал быть крестьянином, ибо война с ее лишениями и ужасами была сильнейшим фактором маргинализации: она ломала и корежила судьбы, уродовала психику и мировоззрение, меняла систему ценностей, навыков и т.д. Война научила убивать, насилие стало нормой, человеческая жизнь обесценилась.

В итоге население революционной России испытало все «прелести» криминальной активности в отношении личной собственности: краж, разбоев, грабежей и убийств в целях присвоения чужого имущества. Свободный доступ к оружию, частая смена властей, отсутствие налаженной охранительной и пенитенциарной систем обеспечивали питательную среду для криминального мира.

И «красная» и «белая» периодическая печать периода Гражданской войны с тревогой отмечали нарастание волны преступности в стране.

Колчаковский «Наш Урал» сообщал своим читателям в начале февраля 1919 г.: «Преступность начинает угрожающе расти. Газетная хроника пестрит сообщениями о кражах, мошенничествах, обманах, грабежах, к судебным следователям пачками начинают поступать уголовные дела. Кражи, так называемые домашние, учиняемые прислугой, прачкой, жильцами, сделались обыденным явлением. Взлом сундуков, замков, магазинных затворов – ничто не останавливает преступника. Не оставляет он без внимания и публичные места, как, например, театры. Начинает развиваться грабеж в виде старомодного «кошевничества» (в Иркутске). А в Омске, претендующим на звание столицы России, небезопасно выходить по вечерам на улицу во избежание встречи с грабителем»²¹.

Как и на востоке страны, в южных городах разгул уголовной преступности подтолкнули инфляция и бестоварье, разорение, обнищание и безработица. Вооруженные банды из люмпен-пролетариев, разорившихся мелких хозяйчиков и дезертиров терроризировали население. Наибольшей организованностью и жестокостью отличались банды из разложившихся офицеров. Чем хуже шли дела на фронте и слабела власть в тылу, тем стремительнее росла

преступность. Так, в 1920 г. крымские города стонали от убийств и вооруженных налетов, которые приняли массовый характер и стали обычным делом. Государственная стража (полиция), чины которой разбежались или в лучшем случае бездействовали из-за низкого жалования и от страха за свою шкуру, оказалась бессильна против уголовщины. Чины Государственной стражи предпочитали не замечать ее «подвигов», а самые аморальные входили с ней в долю²².

Горожане, вступившие на путь преступлений в годы Гражданской войны, пополняли уголовную среду, как правило, на всю оставшуюся жизнь. В 1920-е гг. советские специалисты, изучавшие социальный состав преступников, их культурно-образовательный уровень, их психофизические свойства и т.д., отмечали прямую связь между преступностью и двумя пережитыми страной кровавыми войнами. Так, профессор Е.К. Краснушкин прямо указывал: «...Самым важным, почти решающим направлением психологического развития фактором для многих явилась война, дававшая простор стремлениям личности к грабительскому способу наживы, к мародерству, понизившая ценность жизни и вообще повлекшая за собой одичание отдельных людей». В качестве доказательства он привел нашумевшее в 1923 г. в Москве дело легкового извозчика Комарова-Петрова, который в течение 1921 г. убил ради ограбления 29 человек: «До войны у него в прошлом, кроме беспробудного пьянства, бродяжничества, нестойкого и разгульного образа жизни, – некрупные имущественные преступления без пролития крови. Кражами он занимался в первое время по возвращении с войны в Москву. Но на войне он научился низко ценить жизнь человека, убивать и, видимо, заниматься мародерством. Отсюда его формула оправдания себя в его убийствах перед судом:

“На войне убивали честных людей, а я убивал спекулянтов”»²³.

Фактором, особенно часто толкавшим людей на преступление, включая и убийства, был голод. Помесячное распределение убийств в 1922 г. в голодавших регионах было совершенно необычным: подъем до мая месяца с последующим непрерывным снижением до конца года. На основе анализа этих данных специалисты сделали вывод: «При исследовании причин убийств криминалисты-социологи указывали и на общий уровень культуры вообще, и на развитие грамотности в частности, и на влияние войн. Особенности нашего месячного распределения вскрывают в первую голову влияние именно голода. На самом деле, разлагающее влияние войны и тем более низкого культурного уровня не могло оборваться на мае или июне месяце 1922 г. Такое влияние может быть только более или менее длительным, а вместе с тем ослабевать лишь очень медленно и постепенно... в пределах же изучения месячного распределения убийств говорить о влиянии на них войны и общего культурного уровня не приходится. Здесь мы констатируем влияние только голода». Иными словами, преступность начала снижаться в связи с улучшением продовольственного положения регионов, охваченных голодом в 1921 г.

Однако в целом по стране на конец Гражданской войны и переход к мирной жизни в условиях нэпа пришелся новый рост преступности. А.О. Эдельштейн, изучавший хулиганство в советских городах в начале 1920-х гг., писал: «Война, тормозя многие высшие психические процессы, оказывает растормаживающее влияние в других отношениях на психику народа, в частности на низшие инстинкты, вырабатывает дешевое отношение к чужой жизни, к чужому человеку,

к имуществу и прочее». Мирная жизнь была омрачена всплеском хулиганства. По данным Наркомата юстиции, охватывающим 48 губерний РСФСР, число осужденных за хулиганство составило в 1923 г. 11 927 человек, а в 1924 г. – уже 22 633 человека, иначе говоря, данное правонарушение за один год подросло почти на 90 % (в последующие годы эта тенденция сохранялась). Специалисты предполагали, что «та энергия», которая в 1918–1920 гг. «находила себе выход на полях сражения, ныне, не всегда находя для себя здоровое русло, идет в этот канал хулиганства»²⁴.

Среднестатистический хулиган г. Москвы и ее окрестностей начала 1920-х гг., порожденный Гражданской войной, это – молодой человек лет 20-ти, без каких-либо культурных интересов, тесно спаянный с улицей, ее бытом, охотник при случае выпить, который за словом в карман не лезет и спуску не дает, готов сам спровоцировать приятеля, такого же «взрывного» по своему психическому складу парня, как и он сам.

Мировая и в особенности Гражданская войны явились важнейшими факторами роста сексуальных преступлений. Условия войны отрывали огромные массы мужского населения от нормальных условий общежития и тем самым уже создавали предпосылки для роста половой распущенности. Криминалисты-социологи по этому поводу даже ввели понятие «криминальные издержки» революции. Кроме того, в этот период рушились прежние привычные воззрения, высказывались новые взгляды, складывались начала нового быта и жизненного уклада. Зачастую под «революционностью» в «половом вопросе» понимался культ голой физиологии, и это упрощенство считалось характерным признаком пролетарского мировоззрения. Наконец, статистика свидетельствует о значительном омоложении этой категории преступников к середине 1920-х гг. по

сравнению с 1913 г.: если доля возрастной группы от 18 до 25 лет осталась на уровне около 50 %, то доля возрастной группы до 18 лет выросла с 10 % почти до 20 %.

Городская преступность активно подпитывалась беспризорничеством – социальным злом, ставшим прямым следствием Гражданской войны.

Беспризорники многократно приумножили хулиганство и бандитизм на городских улицах. Именно в их среде зародилась новая воровская субкультура, сохранившаяся в современном тюремном фольклоре.

По данным Наркомата просвещения РСФСР, в 1921 г. в республике насчитывалось 935 482 беспризорника. На каждом шагу, в любом месте горожанин сталкивался с беспризорным ребенком и подростком. Беспризорники пополняли советские пенитенциарные учреждения, где вливались в блатной мир, перенимали и дополняли его субкультуру.

Беспризорничество нашло яркое отражение в художественной литературе тех лет. Писатель Вячеслав Шишков, широко известный своими романами «Угрюм-река» и «Емельян Пугачев», посвятил ему повесть «Странники». «Самая крупная повесть», по замечанию литературоведов, была написана в течение трех лет – с 1928 по 1930 гг. Писатель не ограничился внешним изображением – он стремился проникнуть в суть этого явления, детально воспроизводя язык, приемы, обычаи и все стороны жизни беспризорников.

Вот как он изобразил наиболее характерные ситуации:

«Орава человек в пятнадцать худых, с испитыми, болезненными лицами ребятишек, отстав от товарищей, проделывала возле баржи упражнения. Некоторые подкладывали под рубаху горб, скрючивали ногу и култыхали на костылях, как прирожденные калеки. Иные

подвязывали под колено деревянную ногу, строили просительную физиономию и, пригнув голову к плечу, шли с вытянутой рукой вперед, жалостно скуля: «Подайте калеке несчастному, отец – вдовец, мать – сирота».

«Ванька Щегол, длинный и чрезмерно худой, растравлял подживавшую рану на предплечье: он смочил ее слюною, натер солью и молотым перцем; показалась сукровица; стало очень больно: парень закрутился на месте и стиснул зубы – рана горела. Через час, когда Ванька Щегол будет выпрашивать подаяние, рана покроется гноем. Андрюшка Грач, короткошейй урод с вдвинутой в плечи вихрастой головой, защурился правый глаз, приляпал на него лепешку из крутого теста и вдавил в это тесто стеклянное искусственное глазное яблоко, а в рыжие, длинные, как у монаха, лохмы густо насадил шишек чертополоха. Потом, сидя перед осколком зеркала, измазал лицо грязью, ловко скрыв спайку теста с кожей. Получилась отгаливающая маска странного уродства: левый – натуральный – глаз был полуприкрыт, правый – стеклянный – глазище, похожий на глаз быка, тупо смотрел неподвижным зрачком вверх. Антураж слепорожденного урода был готов».

«Пришли на базар. Народу много. Без счета крестьянских телег с поднятыми оглоблями. Пахло дегтем, капустой, луком, грибами, яблоками, конской мочой.

Вот на телеге молодая баба в желтом, с разводами, платке. Вытянув ноги, она плотно сидит пышным задом на завязанном в бумагу свертке: покупка мужу на штаны, себе на платье, отцу на рубаху. Наученная горьким опытом, она зорко стережет покупку, злобно посматривая на стоящих в стороне Фильку и Амелю. В передке телеги открытая кадушка сметаны. За спиной бабы незримой тенью топчется Пашка Верблюд.

– Продаешь? – гнусит Степка Стукни-в-лоб, встает на переднее колесо, поддевает ложкой сметану, пробует.

– Геть, пашенок! – визгливо орет баба, боясь оторвать зад от заветной покупки. – Положи ложку!

– Тетка! Дай ему по роже-то кнутом! – возмущенно кричит издали Амелька.

– Плохая сметана, горчит, – говорит Степка Стукни-в-лоб и поддевает вторую ложку. – Даже совсем жидкая...

Молодуха, вся позеленев, быстро приподнимается, чтобы дать отрепышу затрещину, но тот, плеснув бабе в глаза сметаной, уже мчится прочь под крик крестьян. А в другую сторону улепетывает с украденным у бабы свертком Пашка Верблюд, рядом с ним Амелька».

«Любопытствующая толпа охватила оборванца с ребенком тесным кругом. На лицах зевак удивленье и веселые улыбки. Ребенок опять заплакал резко и жалобно, как пойманный собакой заяц.

– Ну, ты! Убью! – и парень с маху ударил его по голове.

Ребенок зашелся в плаче на всю площадь. По толпе прогудел сдержанный любопытством ропот:

– Что он, собака, делает!..

Барыня вспыхнула, как порох, закричала:

– Как ты смеешь, пастух, младенца бить?!

– А чего он орет?.. – и парень опять треснул ребенка.

– Милицейский! Милицейский!! – завопила барыня.

Толсторожий оборванец сделал вид, что хочет бежать, и действительно, он пробежал шага четыре, потом вдруг остановился, схватил ребенка за ноги, грохнул головой о мостовую и швырнул барыне:

– На, коли тебе его жалко! На!!

Тельце малютки описало в воздухе дугу и шлепнулось на землю. Барыню и всю толпу охватил ужас, перешедший в бешенство. Меж тем ребенок, упав к ногам барыни, вдруг обругался черной бранью и пропищал:

– Ты что меня, дурак, бросаешь: я кукла, что ли?

У крестьян зашевелились со страху волосы. Еще секунда – и обалдевшая толпа втоптала бы парня в землю. Но он исчез. Исчезла и сумочка барыни, и многое множество кошельков, покупок, платков, часов, бумажников из карманов одураченных зевак. У ног барыни валялась перевязанная мочалом коричневая рвань, тряпье.

Беспризорники мчались с рынка во все стороны, как мыши от кота...»

Описанное Шишковым «представление» называлось «Чрево вещатель с куклой», на жаргоне беспризорников – «фармазон».

Эти «шалости» беспризорников, чинимые лишь ради насыщения желудка, были относительно «невинными» даже с точки зрения советского Уголовного кодекса. Но они шли и на тяжкие преступления, неизбежно попадая в подчинение к взрослым и опытным уголовникам и пополняя традиционный уголовный мир России.

Москвич Ю.А. Федосюк вспоминал: «Снующие в уличной толпе грязные, угольно-черные подростки в лохмотьях. Обычное явление Москвы 1920-х годов – беспризорные. Печальное наследие Гражданской войны – дети, оставшиеся без родителей, без крова и какой-либо опеки. У них своя, таинственная жизнь, о которой мало кому известно. Откуда родом, чем питаются, где ночуют – никто толком не знает...

Обычный промысел – попрошайничество, мелкое воровство. Особенно последнее. При появлении группы

беспризорных на рынке торговли испуганно старались прикрыть руками свой товар – словно куры, прячущие под крыльями цыплят при виде коршуна. Только немногие непризорные занимались “честным ремеслом” – покупали пачку папирос (сигарет тогда еще не было) и продавали их россыпью втроедорога.

Жалость к непризорным сочеталась со страхом перед ними. Жизнь закалила этих ребят, сняла все моральные препоны и превратила их в наглых и коварных волчат. Приютишь, накормишь непризорного – нет никакой гарантии, что вместо благодарности не будешь ограблен. Большими группами они не ходили, чтобы не бросаться в глаза, бродили по двое, по трое. Конечно, существовала у них какая-то организация, лидеры повзрослее, посылавшие их как на попрошайничество, так и на кражи и забиравшие львиную часть добычи. Известно было, что взрослые банды грабителей использовали непризорных как “форточников”, для стояния «на стреме» и других вспомогательных услуг, требующих юркости и смелости.

Лазить по карманам непризорным было особенно трудно – слишком выдавала внешность, заставлявшая мужчин придерживать карманы, а женщин крепко сжимать сумочки. Использовали приемы отвлечения: затевалась показная драка, шумиха, и в это время к глазеющим подкрадывались сзади и быстро выхватывали ценности.

Особенно много непризорных можно было видеть на Каланчевской площади: в поисках лучшей жизни они непрерывно мигрировали по разным городам, пользуясь порожними товарняками, тормозными площадками, вагонными крышами. Естественно, что площадь трех вокзалов была местом, где непризорных всегда было особенно много. Не случайно по всем ее

стенам были расклеены предупредительные листовки: “Остерегайтесь карманных воров”.

В пассажирских поездах беспризорные ходили попрошайничать. Чаще всего – в товарно-пассажирских, которые именовались в народе “Максим Горький” или попросту “Максим”, ибо ехала в них небогатая публика, во многом напоминавшая героев Горького. Слово это было настолько общеупотребительным, что давно уже не вызывало улыбки, а стало почти термином. “На скорый не достал, придется на максиме ехать”, – можно было услышать около вокзальных касс. В классные вагоны беспризорных не пускали проводники, в “максимах” таковых, кажется, вовсе и не было.

Для попрошайничества использовались особые сценарии и репертуар, придуманные явно не самими попрошайками, а их взрослыми патронами. Вот дверь вагона открывается, и на пороге появляется маленький оборванец со страдальческим выражением на лице. Четко и звонко он заученно провозглашает на весь вагон: “Граждане-товарищи! Вы видите перед собой круглую сироту, обездоленную жизнью. Батя погуб в немецкую войну, мамка померла с голоду в гражданскую. Приютила меня с сестренкой бабушка Анисья. Сестренка померла от тифу, бабушка, царство ей небесное, скончалась от старости, и вот остался я круглой сиротой-горемыкой. Нету у меня никого на целом свете, и живу я подаянием добрых людей. Граждане-товарищи, на оставьте несчастную сироту, помогите кто чем может”.

Далее следовала заунывная, сердцещипательная песня... После монолога и песни пассажирки начинают сопеть носами и утирать уголками косынок слезы. Расстегиваются кошельки и развязываются узелки. В ладонь сироты сыплются медные монеты, в котомку – куски хлеба».

* * *

Как показали исследования медиков, беспризорники, эти жертвы Гражданской войны, быстро стали и жертвой наркомании.

Обследование задержанных за бродяжничество в 1923–1924 гг. подростков показало, что 80 % из них приобщились к наркотикам в 9–11 лет и приобрели стойкое пристрастие к ним. «Нюхнуть марафету», как прозвали в народе кокаин, можно было в те годы прямо на улице. Мальчишки с папиросными лотками торговали на рынках кокаином. Они предлагали желающим «антрацит», «кикер», «кокс», «мел», «муру», «нюхару». Под этими жаргонными словечками скрывался порошок, поступавший в Советскую Россию контрабандным путем. Нередко продавцы жульничали, добавляя в кокаин мел, а позже – соду или аспирин. Это, конечно, снижало качество наркотика, но вряд ли могло отвратить от него. Заядлые наркоманы потребляли иногда до 30–40 г кокаина в день, стремясь добиться вожделенного эффекта.

До 1914 г. кокаин – весьма дорогой наркотик – употребляли преимущественно дамы полусвета, состоятельное офицерство и обеспеченные представители богемы. Мировая и Гражданская войны коренным образом изменили тип российского наркомана, сильно его «демократизировав». Нередко приобщение к морфию являлось следствием тяжелых ранений, требовавших хирургического вмешательства с применением наркотиков. Однако морфием кололись не только раненые, но и сами медики. Данные 1919–1922 гг. свидетельствуют, что в Петрограде почти 60 % морфинистов были врачами, медсестрами, санитарями. Остальные прошли фронты двух войн.

Но не только увечья и физические страдания пробуждали тягу к наркотикам. «Победивший народ» поспешил приобщиться к наркотикам как к «буржуйской роскоши». «Серебряную пыль» кокаина с наслаждением вдыхали не только беспризорники и уголовники, но и рабочие и совслужащие, красноармейцы и матросы. А по ту сторону фронта – белые офицеры и антибольшевистская интеллигенция. Кокаин порой был доступнее водки, и потому наркомания широко распространилась как в «красных», так и в «белых» городах, питая рост преступности.

* * *

Рука об руку с наркоманией шла в городах проституция.

Чаще всего к кокаину прибегали именно представители преступного мира и проститутки. Социологический опрос 1924 г. выявил, что более 70 % женщин, задержанных органами милиции за торговлю телом, систематически употребляли наркотики. При этом почти половина из них предпочитала именно кокаин. В тайных притонах продажной любви, как правило, можно было приобрести и «марафет».

В годы Гражданской войны на большевистской территории торговля женским телом изменилась под воздействием реалий военного коммунизма. Голод снизил сексуальную активность. Деньги, позволявшие осуществлять акт купли-продажи женского тела, обесценились и потеряли прежнюю значимость. Закрылось большинство увеселительных заведений, традиционных мест скопления женщин легкого поведения.

Советская власть, получив эту острую медико-социальную проблему от «старого режима» и объявив

проституцию социальной аномалией, порожденной эксплуататорским строем, искала новые методы борьбы с ней.

Семейная политика Советской власти, основывавшаяся на идеологии равенства полов и отрицании буржуазных форм брака и семьи, ускорила процесс распада патриархальных семейных отношений. Декретом ВЦИК и СНК от 20 декабря 1917 г. «О гражданском браке, детях и ведении книг актов гражданского состояния» была утверждена единая процедура гражданской, светской регистрации брака. Тем самым была отменена церковная «регистрация», которая в Российской империи являлась единственно легитимной. На деле же речь шла о «свободе любви», которая рассматривалась как политическое достижение новой власти наряду с предоставлением других гражданских свобод. Марксистский теоретик в женском вопросе А.М. Коллонтай откровенно заявила, что «старая форма семьи отжила» и «коммунистическое общество в ней не нуждается»²⁵.

Всероссийское совещание работниц, проходившее в Москве в ноябре 1918 г., провозгласило: «Исходя из того, что корни проституции зарыты глубоко в капиталистическом обществе, совещание призывает бороться с проституцией не только закрытием домов терпимости, не только наказанием сводников и продавцов живого товара и устраиванием домов для спасения падших девиц, а революционным искоренением всех остатков капиталистического общества при переходе к коммунистическому хозяйству, введением обеспечения материнства, осуществлением государственного воспитания детей, заменой буржуазной семьи свободным браком».

Журнал «Коммунистка» в 1920 г. констатировал, что «старые, гнилые устои семьи и брака рушатся и идут

к полному уничтожению», но при этом признавал, что «нет никаких руководящих начал для создания новых, красивых, здоровых отношений. Идет невообразимая вакханалия»²⁶.

«Вакханалия» в брачно-семейных отношениях имела тяжелые последствия, включая развитие почвы для вовлечения женщин в проституцию.

Например, в городах советского Дальнего Востока, где окончание Гражданской войны затянулось, влияние новой семейной политики было особенно сильным, а последствия – тяжелыми. В частности, установившаяся там в начале 1920-х гг. свобода отношений между полами являлась главной причиной самоубийств среди женщин, которым приходилось самостоятельно справляться с трагическими последствиями «свободной любви»²⁷.

Предложение, как обычно, стимулировалось спросом. Среди потребителей услуг проституток были советские хозяйственники, представители интеллигенции и пролетарии. Согласно данным опроса, в 1920 г. к услугам уличных женщин прибегало 43 % рабочих и 41 % выходцев из иных социальных слоев.

Для белого тыла, напротив, был характерен бурный расцвет традиционной проституции.

С одной стороны, самые дорогие проститутки – «дамы полусвета» – поспешили покинуть обе столицы и другие крупные города, где установилась власть большевиков, и уехать вслед за своими содержателями и клиентами. Многие мемуаристы отмечали необычайное обилие красивых, разряженных и напомаженных женщин на бульварах и в городских садах, в ресторанах и театрах «столиц» антибольшевистских режимов: в Киеве – в 1918 г., Ростове-на-Дону – в 1919 г., Севастополе – в 1920 г. Окруженные толпой поклонников, в основном спекулянтами и тыловыми офицерами-снабженцами, они

отличались вспыхнувшей вдруг любовью к иностранной валюте.

Общеизвестно, что взимание проститутками платы в иностранной валюте – один из самых ярких признаков кризиса национальной финансовой системы. В городах врангелевского Крыма, например, проституток делили на категории в зависимости от того, какую валюту они просили с клиентов. Самых дорогих – изящно одетых и эффектных – называли «фунтоловками» (те оценивали свой поцелуй в 1 фунт стерлингов). Более доступных, бравших плату турецкими лирами, – «мамзель Лирских» (или «Лирическими»). А самых опустившихся – «уличную шантрапу» – титуловали «принцессами долларов».

С другой стороны, жизнь впроголодь и обнищание в условиях стремительной инфляции толкали к занятию проституцией многих женщин. В 1920 г. голодавшие в крымских городах семьи офицеров и чиновников, интеллигенция и беженцы меняли остатки имущества на продовольствие у крестьян: на рынках предлагалось все, начиная от фамильных медальонов и кончая ношеным нижним бельем. Когда менять было уже нечего, жены фронтовых офицеров и беженки шли на панель, попадая в разряд «мамзелей Лирских»²⁸.

Окончание Гражданской войны, переход к нэпу, нормализация повседневной жизни, восстановление денежного обращения активизировали проституцию в советских городах в традиционном виде. Это повлекло и активизацию борьбы с ней. В принятом в 1922 г. Уголовном кодексе РСФСР появились статьи, определяющие наказание за притоносодержательство, за принуждение к занятию проституцией, за вовлечение в сексуальную коммерцию несовершеннолетних. Однако наказание за торговлю собственным телом установлено не было. Известный венеролог В.М. Броннер заявлял:

«Основное положение, из которого мы исходим при построении нашей работы, это то, что борьба с проституцией не должна быть заменена борьбой с проституткой. Проститутки – это только жертвы или определенных условий, или тех мерзавцев, которые их в это дело втягивают».

Первыми спрос на доступных женщин предъявили представители нэпманов – разного рода предприниматели, подрядчики, перекупщики. И это вполне естественно: они раньше других ощутили наличие свободных денег. В 1923 г. покупали продажную любовь уже 61 % мужчин, работавших на фабриках и заводах, и 50 % занятых в иных сферах (торговля, управление и т.д.). Вопреки «социалистическим нормам», многие рабочие, и в особенности молодежь, считали вполне естественным покупать ласки доступных девиц. «Фабричные пареньки», по свидетельству медиков и социологов, полагали, что пользоваться услугами проституток и болеть венерическими болезнями – дело обычное, служащее доказательством «молодечества».

* * *

Так Гражданская война прервала тенденции предшествующих десятилетий: рост городского населения и развитие городов как двигателей цивилизации и прогресса. Страна была в немалой степени отброшена в свое «сельское» прошлое. Социальный состав обезлюдевших городов радикально «демократизировался», а их повседневную жизнь сделали трудно выносимой жилищный кризис, развал городского хозяйства и преступность во всех ее проявлениях.

Примечания

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. 1900 – 1939 гг. М., 2000. С. 95.

² *Смирнова Т.М.* Социальный портрет «бывших» в Советской России: По материалам регистрации «лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния» осенью 1919 года в Москве и Петрограде // Социальная история. Ежегодник, 2000. М., 2000. С. 103.

³ *Карпенко С.В.* Средние городские слои Таврии при врангелевском режиме // Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989. С. 158–164.

⁴ *Сенявский А.С.* Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 89–90.

⁵ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М., 2001. С. 508.

⁶ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М., 2001. С. 335, 509.

⁷ *Струмилин С.Г.* Статистико-экономические очерки. М., 1958. С. 288–289.

⁸ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М., 2001. С. 510.

⁹ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М., 2001. С. 272.

¹⁰ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М., 2001. С. 336.

¹¹ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М., 2001. С. 509.

¹² *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М., 2001. С. 337–338.

¹³ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М., 2001. С. 512.

¹⁴ *Марченя П.П.* «Зеленый змий» на службе «Красной смуты»: Алкоголь и пьяные погромы от Февраля к Октябрю 1917-го // История в подробностях. 2010. № 4. С. 30–43; *Марченя П.П.* Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. // Новый исторический вестник. 2008. № 1(17). С. 84–95.

¹⁵ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М., 2001. С. 199, 200)

¹⁶ *Трошина Т.И.* Народное пьянство на Европейском Севере России (конец XIX – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2011. № 2(28). С. 19–29; *Трошина Т.И.* Народное пьянство на

Европейском Севере России в «эпоху войн и революций» // Новый исторический вестник. 2011. № 4(30). С. 18–28.

¹⁷ *Давыдов А.Ю.* Нелегальное снабжение российского населения и власть, 1917 – 1921 гг.: Мешочники. СПб., 2002. С. 103.

¹⁸ *Гернет М.Н.* Преступность и самоубийства во время войны и после нее. М., 1927. С. 40–41, 90.

¹⁹ *Павлюченков С.А.* Веселие Руси: революция и самогон // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 127.

²⁰ *Воронов Д.Н.* Алкоголь в современном быту. М.; Л., 1930. С. 54.

²¹ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М., 2001. С. 492.

²² *Карпенко С.В.* Белое дело: Врангель в Таврии. М., 1994. С. 44–45.

²³ *Краснушкин Е.К.* К психологии и психопатологии убийства // Хулиганство и поножовщина. М., 1927. С. 3–4, 8, 26–27.

²⁴ *Эдельштейн А.О.* Опыт изучения современного хулиганства // Хулиганство и поножовщина. М., 1927. С. 19, 70–78.

²⁵ *Кулинич Н.Г.* «Свободная любовь» и советский брак: семейные отношения в городах Дальнего Востока (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2010. № 1(23). С. 43.

²⁶ *Панин С.Е.* Борьба с проституцией в России в 1920-х годах // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 113.

²⁷ *Кулинич Н.Г.* «Свободная любовь» и советский брак: семейные отношения в городах Дальнего Востока (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2010. № 1(23). С. 43–44.

²⁸ *Карпенко С.В.* Белое дело: Врангель в Таврии. М., 1994. С. 44.